

М. П.
Мусоргский
Кемпер

4/VIII-88

4 АВГ 1988

ПРАВДА

ИСТОКИ

Глаза земли

В 1989 году по решению ЮНЕСКО будет отмечаться 150-летие со дня рождения М. П. Мусоргского. Одна из звезд миланского «Ла Скала» Мирелла Френи как-то сказала, что, если бы ей предложили взять на необитаемый остров самую лучшую оперу, она бы выбрала «Бориса Годунова», потому что это верх совершенства...

От Великих Лук ехали долго. С высокого места, куда забрался наш туристский автобус, открылось Жижицкое озеро. Корреспондент областной газеты большой знаток жизни и творчества Мусоргского Н. Новиков повел рукой, приглашая осмотреться:

— Там остров Долгий, угадываемый в его пьесе «С няней», там — Кромешный. Чудом сохранился лишь дом матери композитора в Наумове, а гнездо в Кареве, где родился Модест Петрович, не уцелело. Эти деревеньки буквально смотрят друг на друга, правда, от последней слезы остались: два двора, два кола, в землю уходит.

И рассказал Новиков печальную историю об одинокой ослепшей женщине — Н. Белоусовой, местной жительнице. Спасалась от холода в соломе, кормилась чем придется. Много их, брошенных стариков, в этом краю. Забытые, с перекосившимися избами и провалившимися крышами деревеньки, где не бредут собаки и куда хлеб по бездорожью не завезешь. Кое-как доживают свой век люди. У них учиться бы преданности родной земле, скудной, но материнской, а от них отмахнулись, отвернулись — нет других слов. Надо ли удивляться, что в ином районе Нечерноземья больше приехавших на отдых, чем проживающих постоянно.

Все, что потом было, родилось у Мусоргского здесь, вышло отсюда. И «Борис Годунов», и светлая симфоническая картина

все в нем откликлось на них.

Теперь тихо. Шлемовидные купола не направляют дорогу. И не добежит их голос до близкого Пушкиногорья, где родилась великая трагедия «Борис Годунов». Глядите: все на одной земле, псковской. Погрузился в раздумья, когда нетерпеливо позвали дальше, и вот уже забилась на устах едва возникшая строка:

Неспешность овладела мной, И твой укор — мое забвенье.

Ему бы здесь, задуманному памятнику, стоять, на этом холме. И Наумово, и Карево — рядом, рукой подать, глаз достает. Снова пронизывают боль и стыд, когда видишь чахнущую деревеньку, где появился на свет человек, как отмечала в начале века певица М. А. Оленина-д'Альгейм, «выше нас жизненностью и могучей чуткостью!» Нельзя не прислушаться к словам лауреата Ленинской премии народного артиста СССР Евгения Нестеренко, который писал, что Карево находится «в ряду таких населенных пунктов, как, например, Зальцбург — родина Моцарта, Новоспаское — родина Глинки, Воткинск — родина Чайковского, Бонн — родина Бетховена, Ронколе — родина Верди».

Знаю, ни одно из названных мест не сравнится с красотой, окружающей Карево. Но придите и полюбуйте ее сами. Лучше утром, когда туман, точно занавес, обнажает картину за картиной и вы не в состоянии равнодушно взирать на увиденное. Впрочем, в любую пору здесь хорошо — первородность всегда удивляет и возвышает нас. Поэтому при организации заповедной зоны тут надо как можно меньше трогать природу. Мы уже залили асфальтом святыне новгородские места, так не будем же доводить дело до этого и здесь. Пусть больше останется естественного, что поможет человеку погрузиться в мир, окружавший Мусоргского.

Иду берегом, дорожками парка, садом, где бегал Модест с деревенскими ребятами. Ах, как легко тут представить героев сказок, которыми во множестве потчевала будущего композитора его няня. «Знаешь, нянюшка: ты про буку-то уж не рассказывай!» И мудрая женщина, оставившая неизгладимый след в жизни Мусоргского, начинала про остров чудный, «где не жнут, не сеют, где растут и зреют груши наливные». А темные углы кухни за горном, разве не навевали они всякие видения. Звякнул на входе колоколец, и вот очутился под ее сводами. При нем мехи огонь держали, и что за прелесть было здесь мальчишке с его воображением. Рядом — старый пруд, только закрыть глаза, как он наполнялся чудящими разными. Когда Лист восхитился «Детской», Модест Петрович, узнав об этом, заметил В. В. Стасову: «Ведь все же дети в ней россияне, с сильным местным запашком».

Думаю, Листа как раз и потряс этот самый «запах». А мы его подчас стыдимся, хотя в нем столько нравственной красоты, добра, чистоты, что и составляет духовную суть человека. Подите, поговорите с местными жителями: какая образная речь, какая кладка слов, поговорки, мудрости, точно жемчуга на нитку нанизываются. Мусоргский писал: «Хотелось бы мне вот чего. Чтобы мои действующие лица говорили на сцене, как говорят живые люди... моя музыка должна быть художественным воспроизведением человеческой речи во всех тончайших изгибах ее. Вот идеал, к которому я стремлюсь».

Оттягивал расставание с домом в Наумове. Когда-то теперь попаду сюда... Еще и еще поднялся на второй этаж по узкой лестнице. Что искал я в ее скрипе? Не знаю. Скорее, свое детство, к которому надо возвращаться, чтобы было все ясно.

А на округу надвигалась темная туча. И мы тронулись в путь по притихшей, не обещающей погоды дороге.

В. ЧЕРТКОВ.

(Спец. корр. «Правды»).

Псковская область.

● М. П. Мусоргский. Художник И. Е. Репин.

«Рассвет...» — лирическое вступление к опере «Хованщина», и «Детская» со всеми ее песнями, приведшая в восторг Листа... А юрдового вылепил — дрожь по коже. Тут, на Псковщине, и начало, и венец. От озера — взгор, на котором родился гений. За каким окном он закричал объявившись? Но не заглянуть нам в него. Подновляют материнский дом, споро стучит топор, скрипит колодезный ворот. А сам он остался в темном камне, нелепом тут, где его мир, воплощенный в музыке.

Солнечная паутина в деревьях и тот покой, от которого дрогнет любой русский. Тянут утки над озером, пьянят травы, полуденный зной обостряет звуки, гонит в тень парка. Вот и встретился с тем, о чем мечталось в городской духоте, шумихе. Царские одежды на сцене, боярские покои, а виделось сельцо Карево. Смятение души, хотя взор пока лишь коснулся окрестностей. А ведь это все и твоё, близкое, родное, от чего ушел, откатнулся. И оживает оловянный солдатик, глядит во все глаза, но разве наглядись. Дорога через осоку на косогор, зеленый, прочный накат лесов, захиревшие деревеньки. И будет музыка, ударят в голубой выси голоса хоров, явятся на Кромешный туристы со всего света. Придет на Каревский холм Мусоргский. Но сей день я путаюсь в густой, нетронутой траве.

Будто заговорила округа. Ударил, загудел... Сыпанули голуби с колокольни. Видел, как монах оживлял пудовье. Поплыло по Жижицкому озеру российское чудо-пение. Своим перезвоном отзывались дальние берега. Медно-серебряным переливом ответили колокола ближнего залесья: бом-динь, бом-динь, тринь-динь, тринь-динь... Даже мятежный ветер, нагулявший волну, вострапавший непослушные головы столетних дубов, и тот попритих. Модест, зачарованный, жадно ловил звуки, наполнявшие его грудь, и